СМѢСЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ УЧИТЕЛЯ.

Ежели, по пословицѣ, каждый баронъ имѣетъ свою фантазію,— то почему же и каждому человѣку не имѣть своихъ воспоминаній? Карамзинъ назвалъ благодарность *памятью сердца*; а подъ старость и всѣ наши воспоминанія имѣютъ право называться этимъ прекраснымъ именемъ. Какъ бы ни горько было для насъ прошедшее, но мы воспоминаемъ объ немъ съ *нѣкоторою благодарностью*.... Хоть бы даже за одно то, что оно *прошло*, а мы остались цѣлы и наслаждаемся настоящимъ. — Ну, а если прошедшее было прекрасно, то воспоминаніе о немъ не принадлежитъ ли болѣе къ памяти сердца, нежели воображенія?...

Пріятно вспомнить прошедшее, каково бы оно ни было, но ежели въ этомъ туманѣ минувшаго времени блестятъ и звѣздочки былой радости, былыхъ успѣховъ, то воспоминаніе тогда имѣетъ двойную цѣну.

Окончивъ съ честью трудное поприще педагога, я поселился въ спокойномъ Нѣжинѣ; любуюсь настоящимъ видомъ Нѣжина и и его Лицея, люблю прислушиваться къ говору молодаго, умнаго и добраго поколѣнія, но — часто съ любовью воспоминаю и прошедшее. Куда дѣвались всѣ эти прекрасные образы, мелькающіе въ моемъ воображеніи, всѣ эти прекрасные люди, прежніе мои спутники?... «Однихъ ужь нѣтъ, другіе отошли далече....» Впрочемъ, этотъ вопросъ похожъ на то, если бы я спросилъ самого себя: куда дѣвались эти прекрасные волосы, которыми прежде украша-

лась голова моя? Кто ихъ знаетъ, куда дѣвались, — день за днемъ все дѣлались рѣже и рѣже, — осталось ужь немного, да и тѣ уже не прежніе, черные и лоснящіеся, но сѣдые.... Все перемѣняется!... Не пора ли и мнѣ перемѣнить заунывный тонъ моихъ воспоминаній? Къ чему пугать довѣрчивую юность стариковскимъ ворчаньемъ? Какъ будто важное дѣло, что проживши за половину столѣтія, ты сдѣлался чѣмъ-то похожимъ на старика? Да вѣдь душа не старѣетъ; можно быть душевно-молодымъ и добрымъ, не смотря на постепенное обветшанье тѣла; можно быть даже моложе этихъ «юныхъ стариковъ», въ золотыхъ очкахъ, съ отцвѣтшею на зарѣ жизни душою, медленно, какъ будто нехотя, тащиться по пути жизни, утомляясь всякимъ трудомъ, унывая предъ всякою невзгодою. Впрочемъ, пожалуйста не думайте, чтобы я хотѣлъ смѣяться надъ «отцвѣтшимъ» молодымъ поколѣніемъ: подобные чудаки были и въ мое время, да еще тогда и больше было ихъ, нежели теперь, — тогда, видите, была мода на лорда Байрона, и всѣ модные юноши «нашего» времени мѣтили прямо въ Чайльдъ-Гарольды.

О чемъ-бишь я хотѣлъ говорить? Да, о томъ, что я люблю вспоминать прошедшее. Впрочемъ, у меня-то и прошедшаго немного — какія-нибудь тридцать лѣтъ, только! — Не пугайтесь не наскучу.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1825 года я былъ опредѣленъ учителемъ латынскаго языка въ гимназію Высшихъ Наукъ (что нынѣ Лицей) князя Безбородко. Мнѣ отъ роду было 22 года. — Надобно разсказать, какъ я былъ экзаменованъ для поступленія въ эту должность. — Директоръ гимназіи Высшихъ Наукъ былъ тогда *Иванъ Семеновичъ Орлай*, докторъ медицины и членъ разныхъ учебныхъ обществъ, котораго почитали (и справедливо) первымъ латынистомъ того времени въ Россіи. — Я имѣлъ смѣлость явиться къ нему и просить объ опредѣленіи меня учителемъ латынскаго языка. — Но моя рѣчь впереди — я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести дань моей признательности незабвенному И. С. Орлаю. Карпато-Россъ по рожденію, И. С. воспитывался въ австрійскихъ училищахъ, и по окончаніи тамъ курса наукъ, былъ опредѣленъ учителемъ въ низшіе классы одной гимназіи. Чрезъ нѣсколько времени потомъ открылась ваканція учителя въ высшихъ классахъ, и открытъ былъ конкурсъ на то мѣсто. Изъ трехъ явившихся конкурентовъ, Орлай лучше всѣхъ выдержалъ установленный экзаменъ;

но когда дошло до окончательнаго рѣшенія, іезуитъ-ректоръ не далъ мѣста Орлаю, за то, что «онъ Русинъ, а не Нѣмецъ.» — Это чрезвычайно оскорбило молодаго учителя. «Ну, когда я Русинъ, такъ поѣду въ Русь» — сказалъ онъ, и пріѣхалъ въ Россію. Это было въ царствованіе Государя Императора Павла Петровича. Орлай поступилъ студентомъ въ новоучрежденную тогда медико-хирургическую Академію, отлично кончилъ курсъ, подружился съ Вильё, и вмѣстѣ съ нимъ составилъ Фармакопею (Pharmacopea castrensis). Служа постоянно въ С.-Петербургѣ и будучи придворнымъ докторомъ, онъ по слабости своего здоровья, искалъ наконецъ для себя теплаго климата, и въ 1822 году опредѣленъ былъ директоромъ въ Нѣжинъ; а въ 1826 году поѣхалъ еще въ теплѣйшій климатъ, директоромъ въ Одесскій Лицей, гдѣ и кончилъ свою жизнь, исполненную благихъ дѣлъ, любви къ наукамъ, чести и славы.

Кромѣ Фармакопеи, И. С. Орлай напечаталъ еще въ Сѣверномъ Вѣстникѣ (изд. И. И. Мартынова) свой трактатъ *О Карпато-Россахъ*, на который ссылается Карамзинъ въ 302-мъ примѣчаніи къ 1-му тому И. Г. Р. — А когда въ началѣ текущаго столѣтія, съ учрежденіемъ Министерства Нар. Просвѣщенія, предположено было по всѣмъ губернскимъ городамъ открыть гимназіи, и сверхъ того было приступлено уже къ учрежденію Харьковскаго и Казанскаго Университетовъ, то Министерство Н. Пр., имѣя надобность въ наставникахъ для предполагаемыхъ училищъ, обратилось за этимъ къ австрійскимъ педагогамъ. Орлай сочинилъ на латинскомъ языкѣ приглашеніе, которое, по сношенію съ австрійскимъ правительствомъ, было разослано по всѣмъ австрійскимъ училищамъ. Вслѣдствіе этого приглашенія, пріѣхали въ Россію изъ Австріи наставники: Кукольникъ (отецъ писателя), Стойковичъ, Дудровичъ, Терланчъ, Павловичъ, Билевичъ и другіе. Всѣ они были Русины, и безъ большаго труда начали читать лекціи по-русски. — В. Р. Кукольникъ, послѣ должности профессора Педагогическаго Института, былъ первымъ директоромъ гимназіи высшихъ наукъ, а по смерти его, поступилъ на это мѣсто, какъ выше было сказано, И. С. Орлай.

Возвращаюсь къ самому себѣ.

Когда явился я къ И. С. Орлаю и просилъ опредѣлить меня учителемъ латинскаго языка, онъ, послѣ общаго разговора со мною о томъ-о сёмъ, оставилъ меня у себя обѣдать. — Вошедши съ нимъ въ столовую, мы уже застали семейство его за столомъ. Кромѣ супруги и дѣтей Ивана Семеновича, сидѣло за столомъ

нѣсколько гимназистовъ въ синихъ мундирахъ съ черными бархатными воротниками. Мнѣ довелось мѣсто возлѣ хозяина, противъ одного гимназиста, лѣтъ 18-ти, черноволосаго, съ черными, едва пробившимися усиками. — Когда мы сѣли, хозяинъ сперва сказалъ обо мнѣ нѣсколько словъ своей супругѣ, — при чемъ я какъ-то не совсѣмъ ловко поклонился, — потомъ, указывая на моего vis-à-vis, сказалъ мнѣ: «рекомендую вамъ этого молодаго студента; онъ учился въ Полоцкѣ, у іезуитовъ, а вотъ по изгнаніи іезуитовъ, пріѣхалъ къ намъ оканчивать курсъ. Іезуиты учили ихъ говорить по-латыни; не угодно ли вамъ проэкзаменовать его за обѣдомъ, умѣетъ ли онъ говорить по-латыни.»

Сколько было во мнѣ крови, вся бросилась въ мое лице. Я понялъ, что это приготовленъ экзаменъ *мнѣ*, а не моему vis-à-vis; между тѣмъ мнѣ подали тарелку съ супомъ: надобно было и ѣсть, и думать, и говорить по-латыни!...

Благодаря мѣсту моего воспитанія, ежели я и ничего не знаю, то все-таки умѣлъ говорить по-латыни; тогда это не было рѣдкостью. Вотъ — пріосамясь, я и началъ говорить на безсмертномъ языкѣ Квириновъ, — сперва спросилъ что-то о Полоцкѣ, о іезуитской коллегіи, потомъ, не помню какъ, мы заговорили о Горацiѣ. Мой товарищъ, *Любичъ-Романовичъ*, бойко отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, и говорилъ свободно, чистымъ латынскимъ языкомъ. Искусство товарища и мнѣ придало духу; я развязался, какъ говорится, и благо напали мы на любимаго моего поэта, — вотъ и начали мы разбирать его по косточкамъ, читать наизустъ оду за одою, съ указаніемъ красотъ. Надобно жь было случиться такъ, что Горацій былъ любимымъ поэтомъ у Орлая.

Не утерпѣлъ почтеннѣйшій старикъ, началъ перебивать пашу декламацію и самъ декламировалъ строфы Тибурнскаго пѣвца. Мы трое (Орлай, Любичъ-Романовичъ и я) забыли и о котлетахъ, лежавшихъ передъ нами, да все латынствовали, пока наконецъ Шарлота Ивановна (жена И. С-ча) просила насъ сдѣлать милость перестать съ латынью, да больше кушать, и говорить на общепонятномъ языкѣ.

Послѣ обѣда, за чашкою кофе, Иванъ Семеновичъ приказалъ мнѣ пойдти въ его канцелярію и написать тамъ прошеніе объ опредѣленіи меня учителемъ, а по окончаніи наступившихъ каникулъ явиться къ должности. — Вотъ я и учитель.

Гимназія высшихъ наукъ состояла тогда изъ 9-ти классовъ, для преподаванія наукъ, и изъ 6-ти отдѣленій, для преподаванія языковъ. Трудно было по новоучрежденному заведенію поравнять успѣхи учениковъ, собравшихся изъ разныхъ училищъ Россіи и даже Греціи. Къ моему вступленію въ учительскую должность (августъ 1825) гимназія сформировалась наконецъ всѣми 9-ю классами и шестью отдѣленіями. Я преподавалъ въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ, въ которые сходились ученики разныхъ классовъ, низшихъ и высшихъ. — Между моими учениками были два особенно замѣчательные, *Николай Гоголь-Яновскій* и *Евгеній Гребенкинъ* (впослѣдствіи онъ подписывался *Гребенка*).

Что вамъ сказать о Гоголѣ?

Какъ теперь вижу этого бѣлокураго мальчика въ сѣромъ суконномъ сюртучкѣ, съ длинными волосами, рѣдко разчесанными, молчаливаго, какъ будто затаившаго что-то въ своей душѣ, съ лѣнивымъ взглядомъ, съ довольно неуклюжею походкою, и никогда незнавшаго латинскаго урока. Онъ учился у меня три года, и ничему не научился какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram. Не одинъ онъ былъ такой лѣнивый къ латинскому языку; было еще нѣсколько такихъ, и каждаго изъ нихъ я иначе не звалъ, какъ — Universus mundus. «Ну-тка ты, Universus mundus, скажи свой урокъ.» — Могъ ли я тогда думать, что этотъ бѣлокурый, молодой Universus mundus, будетъ нашимъ первокласснымъ писателемъ?...

Во время лекціи Гоголь всегда-бывало подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу и читаетъ, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Принудительныхъ средствъ у меня не было никакихъ, кромѣ аттестаціи въ мѣсячной вѣдомости. Я писалъ нули да единицы, а Гоголь три года все оставался на латынскомъ синтаксисѣ, и дальше Корнелія-Непота не заходилъ въ латынскую словесность,—съ этимъ и кончилъ курсъ. — Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ, онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою, и ежели правду сказать, не хотѣвшій или не умѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были, такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ,

но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ имѣнемъ: Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя повидимому *не бездарнаго* юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію.—Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть и къ лучшему.

Вотъ что достойно замѣчанія: будучи лѣнивцемъ, Гоголь въ тоже время былъ самымъ благонравнымъ юношею, и велъ себя всегда благородно. Хотя вообще уже принято въ школахъ: ставя ученику худой шаръ за ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать шары и въ поведеніи — вѣроятно на томъ основаніи, что лѣность есть нравственный порокъ; но Гоголь былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ: *единица*, или даже *нуль* въ ученіи и *пять* въ поведеніи!

Живо я помню представленіе *Митрофанушки-Недоросля* на гимназическомъ театрѣ. Гоголь игралъ *Еремѣевну*; хохотали до слезъ, и не подозрѣвали, что эта Еремѣевна уже, можетъ быть, обдумывала своего Ревизора.

Окончивши курсъ въ 1828, Гоголь прежде всѣхъ товарищей своихъ, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка почиталась тогда nec plus ultra молодаго щегольства; и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто ненарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о Гоголѣ скажу, что онъ впослѣдствіи времени имѣлъ сильное сознаніе своего таланта, и кажется, такое же сознаніе недостаточности своего научнаго образованія. Въ 1834 году его пригласили адъюнктъ-профессоромъ Исторіи въ Кіевскій Университетъ, но онъ отказался.... потому что приглашали не прямо въ ординарные профессоры! — Вотъ, что я слышалъ отъ лица, уполномоченнаго пригласить Гоголя адъюнктомъ въ Кіевъ. Зимою 1834 года въ Министерствѣ приготовляли уставъ и штаты для Университета св. Владимира и заботились о пріисканіи наставниковъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не возвратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, — нужно было запастись домашними средствами. Для всѣхъ каоедръ были уже въ виду достойные кандидаты, только для Русской Исторіи не было человѣка. Начальство само вспомнило о Гоголѣ, и предложило лицу уполномоченному познакомиться съ нимъ и

пригласить его на каѳедру адъюнкта. Гоголю тогда было не болѣе 26 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ съ перваго слова очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошеніе. — Чрезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни просьбы не принесъ Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ не безъ нѣкотораго замѣшательства вынулъ изъ боковаго кармана, и подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса гимназіи высшихъ наукъ съ правомъ на чинъ XIV класса, и прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ!

— Знаете ли, что? отвѣчали ему: васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ; согласитесь сперва въ адъюнкты.

Гоголь долго упрямился, не соглашался; дѣло дошло до Министра, который и съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. — Но Гоголь не согласился, и дѣло разстроилось. — Не далѣе года послѣ того онъ поступилъ адъюнктомъ въ Петербургскій Университетъ.

Гребенка былъ — совершенная противоположность Гоголю. Вѣчно веселый, вѣчно смѣющійся, вѣчно любимый всѣми, и товарищами и учителями, съ открытою умною и доброю физіономіей, *Евгеній Павловичъ* (какъ его честили даже наставники—разумѣется шутя), учился хорошо, даже притворялся, будто любитъ латинскій языкъ; старался всякому угодить, отъ всякаго заслужить благосклонность. — Страсть къ русской литературѣ проявилась въ немъ очень рано, когда ему еще не было 14 лѣтъ. — Нѣжинскій Лицей построенъ въ предмѣстьи города. Эта патріархальная часть Нѣжина, именующаяся *Магерки*, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ бо̀льшею частью подъ соломенною крышею, отдѣляющихся одинъ отъ другаго плетневыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а чрезъ плетень въ другомъ домѣ квартировалъ Гребенка. Не помню, какъ онъ сблизился со мною, но это милое, веселое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не проходило того дня, чтобъ Гребенка чрезъ плетень не перелѣзалъ ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи; разсказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи. Я любовался этимъ кудрявымъ, веселымъ мальчикомъ, и называлъ его «воло-

щенною юностью.» — Профессоромъ Русской Словесности былъ тогда у насъ одинъ почтенный старикъ, который нѣкогда былъ ученъ, но за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы, остановился на Херасковѣ и Державинѣ, Карамзину только изъ милости давалъ мѣсто въ Исторіи Русской литературы — да и то уже послѣ изданія имъ первыхъ томовъ Исторіи Русскаго Государства, а на Пушкина, Козлова, Дельвига и вообще на «*всю эту молодежь*» смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что онъ вовсе не читалъ ихъ. — Вотъ у какого профессора Словесности учились Гоголь и Гребенка.

Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тему. Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и поправлены профессоромъ, вотъ Гребенка послѣ обѣда перелѣзъ чрезъ плетень ко мнѣ, и послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказалъ:

— А показать вамъ штуку?

— Покажи, другъ мой.

— А никому не скажете?

— Что жь это такое? Разумѣется, если можно, никому не скажу.

— Пожалуйста не говорите никому. — Съ этими словами Гребенка вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ, смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ свое собственное сочиненіе.

Это были извѣстные стихи Козлова:

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Ахъ! сколько думъ наводитъ онъ! и проч.

Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почитая ихъ произведеніемъ ученика *5-го класса Гребенкина*; не осталось ни одной строчки не поправленной, и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: «*изряднёхонько.*»

Я хотѣлъ-было бранить Евгенія за его продѣлку, но не удержался, и самъ началъ хохотать съ нимъ. Признаюсь, мы хохотали до слезъ. Впрочемъ Гребенка, посмѣявшись, увѣрялъ меня, что онъ сдѣлалъ эту «*штучку*» совсѣмъ безъ злаго намѣренія: всталъ поздно; звонокъ уже прозвонилъ въ классъ; надобно было нести

стихи, а стиховъ своихъ онъ не приготовилъ; вотъ онъ *взялъ да и переписалъ* изъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* кажется, готовые стихи Козлова для подачи профессору.

Гребенка, и возмужавши, оставался всё прежнимъ веселымъ, добрымъ и вѣчно смѣющимся. Лѣтъ чрезъ 15 послѣ продѣлки его со стихами Козлова, позднимъ вечеромъ въ іюнѣ 1843 года, *я*, утомленный дневною работою, пошелъ прогуляться по Нѣжинской мостовой отъ Лицея къ монастырю.—На углу около монастыря у насъ продаются булки и бублики. Подходя къ этому мѣсту, я услышалъ громкій смѣхъ какого-то знакомаго мнѣ голоса. Продавщицы бубликовъ вторили этому добродушному смѣху своимъ смѣхомъ и звонкими голосами. Я подошелъ ближе, — смотрю — и самъ себѣ не вѣрю:

— Евгеній Павловичъ! ты ли это? — Гребенка бросилъ бублики, купленные имъ, и прыгнулъ ко мнѣ на шею....

Онъ тогда ѣхалъ изъ Петербурга къ матери, и везъ съ собою свою сестру, кончившую курсъ ученія въ Патріотическомъ Институтѣ.

Оставивши сестру на почтовой станціи приготовлять чай, самъ онъ пошелъ купить булокъ,—сперва заговорился съ бубличницами, потомъ увлекся разговоромъ со мною, провелъ меня до моей квартиры, зашелъ ко мнѣ, и просидѣлъ у меня до втораго часа ночи.

— Ба! а сестра моя ожидаетъ меня съ бубликами! сказалъ онъ, прощаясь со мною.

— Какая сестра? — Что это ты говоришь?

Тогда только я узналъ отъ него, что онъ ѣдетъ съ сестрою, которая ожидаетъ его съ чаемъ на станціи.

Миръ праху вашему, любезные мои ученики, Гоголь и Гребенка! Не мнѣ бы слѣдовало писать воспоминанія объ васъ; ученикамъ приличнѣе было бы воспоминать объ учителяхъ своихъ. Но вы опередили многихъ своихъ учителей во всемъ и въ славѣ и даже въ могилѣ.

Изъ другихъ литературныхъ извѣстностей нашихъ, въ одно время съ Гоголемъ и Гребенкою, воспитывались въ Лицеѣ Кукольникъ и Базили. Они не были моими учениками, но учились латинскому языку въ высшихъ отдѣленіяхъ у профессора *Андрущенка*. Кукольникъ держалъ себя аристократически; а любознательный

Базили, не совсѣмъ еще хорошо говорившій тогда по-русски, радъ былъ со всякимъ разговориться. Онъ часто приставалъ ко мнѣ въ корридорѣ между камерами классовъ, и при всемъ стараніи моемъ разговаривать съ нимъ по-гречески, всегда побѣждалъ меня своею настойчивостью говорить по-русски. Базили былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали изъ Константинополя въ Одессу вмѣстѣ съ тѣломъ блаженнаго священномученика Григорія, патріарха Цареградскаго. Ему тогда было лѣтъ 15 отъ роду. Онъ любилъ разсказывать о своемъ плаваніи съ этимъ драгоцѣннымъ залогомъ страждущей Греціи, и слезы всегда, при такомъ разсказѣ, блестѣли въ юношескихъ черныхъ очахъ молодаго Эллина.

Не судилось Гоголю быть профессоромъ Русской Исторіи въ Кіевѣ,—такъ досталось это важное мѣсто младшему товарищу его, другому ученику моему, В. Ѳ. *Домбровскому*. — Бѣдный сирота, Домбровскій воспитывался своею матерью, которая нарочно для этой цѣли приняла должность кастеляншы при лицейномъ пансіонѣ. При счастливыхъ способностяхъ, онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ, и провелъ свое дѣтство и юность, не мѣшаясь въ игры товарищей своихъ, вѣчно занятый, погруженный въ самого себя. Едва только кончилъ курсъ ученія въ гимназіи высшихъ наукъ, тотчасъ искалъ случая облегчить свою мать въ средствахъ существованія, и принялъ первое, представившееся ему, мѣсто — надзирателя при лицейскомъ пансіонѣ. Не выѣзжая изъ Нѣжина, Домбровскій пріобрѣлъ обширныя познанія: кромѣ основательнаго знанія древнихъ языковъ и всѣхъ преподанныхъ ему наукъ, онъ свободно говорилъ по-французски и по-нѣмецки. Начальство скоро замѣтило даровитаго труженика, и быстро повело его къ возвышенію. Сперва онъ былъ переведенъ учителемъ въ Кіевское уѣздное училище, потомъ въ Кіевскую гимназію, а оттуда скоро въ адъюнкты, и вслѣдъ за тѣмъ въ профессоры Университета по каѳедрѣ Русской Исторіи. Кромѣ лекцій студентамъ, Домбровскій двѣ зимы сряду читалъ публичныя лекціи для охотниковъ, и Кіевляне высшаго образованія толпились въ его аудиторіи. Достигши славы и довольства, въ полномъ цвѣту жизни, молодой профессоръ былъ наконецъ пораженъ жестокимъ недугомъ, объ который сокрушилось все знаніе, все искусство и все усердіе цѣлаго факультета медицинскаго, и который свелъ его въ могилу раньше всѣхъ знаменитыхъ товарищей его, въ 1845 году. — Будучи уже профессоромъ, Домбровскій нѣсколько разъ благодарилъ меня за латынскій языкъ, и я всегда съ удовольствіемъ хвалюсь этимъ, не боясь упрека въ тщеславіи,

но будучи сладко убѣжденъ въ душѣ моей, что и я былъ кому-нибудь полезенъ.

Въ 1827 году, вмѣсто И. С. Орлая, поступилъ директоромъ въ гимназію высшихъ наукъ Д. Е. *Ясновскій.* Будучи когда-то соученикомъ знаменитаго богослова и іерарха *Иринея Фальковскаго* онъ, по окончаніи старинной Кіевской академіи, поступилъ на службу въ канцелярію Фельдмаршала Задунайскаго,—скоро былъ замѣченъ имъ и поступилъ къ его особѣ въ *генеральсъ-адъютанты.* Въ этой должности онъ состоялъ до самой смерти героя, закрылъ ему глаза, и потомъ былъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ при дѣлежѣ наслѣдства между тремя сыновьями покойнаго Фельдмаршала, Михайломъ Петровичемъ, Сергѣемъ Петровичемъ и Николаемъ Петровичемъ Румянцовыми. Подѣлившись наслѣдствомъ, три молодые вельможи желали отблагодарить чѣмъ-нибудь Ясновскаго за его труды, и подарили ему на его родинѣ, на берегу Десны, село въ триста душъ крестьянъ. Обезпеченный въ своемъ содержаніи, Ясновскій, въ концѣ прошедшаго столѣтія, поѣхалъ служить въ Петербургъ, поступилъ тамъ въ директоры банка, потомъ вдругъ отказался отъ всякихъ видовъ честолюбія, женился, и вышедши въ отставку, поѣхалъ въ свою деревню. Болѣе двадцати лѣтъ жилъ онъ въ отставкѣ, потомъ лѣтъ шесть служилъ по дворянскимъ выборамъ, и еще бодрымъ, свѣжимъ старикомъ пріѣхалъ къ намъ въ Нѣжинъ директоромъ гимназіи. Добрый, умный, краснорѣчивый, Ясновскій былъ живою исторіей XVIII вѣка. Чего онъ не зналъ? чего не видалъ? съ кѣмъ изъ знаменитыхъ людей не былъ въ сношеніяхъ? Нѣкоторые сановники нарочно пріѣзжали въ Нѣжинъ, чтобы повидаться съ прежнимъ своимъ товарищемъ, добрымъ Данилою Емельяновичемъ. — Похвалюсь и я благосклонностію его ко мнѣ. Сверхъ должности учителя, я при немъ былъ секретаремъ правленія гимназіи, и слѣдовательно ежедневно бывалъ у него, ежедневно слушалъ неистощимые разсказы его о старинѣ. Такого добраго человѣка и такого мастера говорить я уже не встрѣчалъ въ моей жизни. Вѣчная память тебѣ, добрый Д. Е-чъ!

Въ свободное отъ службы время я иногда писалъ кое-что, и посылалъ мои статьи въ Украинскій Вѣстникъ, издававшійся въ Харьковѣ подъ редакціей покойнаго *Склабовскаго,* и въ Дамскій Журналъ князя П. И. *Шаликова.* — Собравши нѣсколько моихъ статей, я издалъ ихъ особою книжкою. Теперь такіе слабые опыты въ словесности прошли бы безъ всякаго замѣчанія; но тогда....

мало было писавшихъ, и вообще гг. редакторы, журналисты и даже книгопродавцы были тогда очень внимательны къ каждому возникающему охотнику сочинять. Въ Склабовскомъ и Шаликовѣ я нашелъ такихъ привѣтливыхъ редакторовъ, и получалъ отъ нихъ такія очаровательныя письма, что теперь даже самъ я удивляюсь благосклонности ихъ къ моимъ незрѣлымъ произведеніямъ. Профессоръ М. Т. *Каченовскій* захотѣлъ познакомиться со мною потому только, что былъ цензоромъ моей книжки, и чрезъ моего директора г. Орлая прислалъ мнѣ изъ Москвы поклонъ; а книгопродавецъ А. С. *Ширяевъ* предложилъ мнѣ свои услуги по изданію моей книжки. Теперь во всемъ этомъ я не вижу никакихъ заслугъ съ моей стороны, но вижу только особенный характеръ «добраго стараго времени». — Вслѣдъ за изданіемъ моей книжки *(Малороссійская деревня)* Московское Общество Любителей Россійской Словесности приняло меня въ свои соревнователи. «Доброе старое время!»

Въ 1829 году былъ я переведенъ старшимъ учителемъ въ Харьковскую гимназію, и пріѣхалъ въ Харьковъ въ самый разгаръ Успенской ярмарки. Трудно изъяснить то впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на меня Харьковъ съ своею ярмаркою. Всеобщій видъ довольства и изобилія, неугомонная дѣятельность, множество денегъ, привѣтливость харьковскихъ жителей, всеобщая какая-то *тенденція* къ образованности и просвѣщенію, развивавшаяся отъ университета по всему Харькову,—все это вмѣстѣ составляло отличительный характеръ Харькова и пріятнымъ образомъ дѣйствовало на пріѣзжаго. Но для меня, въ кругу новой моей дѣятельности, встрѣтилась слѣдующая неожиданность: привыкши смотрѣть на самого себя, какъ на латынскаго учителя, и поставляя всю свою славу и даже всю надежду на кусокъ хлѣба въ одной латыни, я скоро, къ удивленію моему, замѣтилъ, что меня трактуютъ въ Харьковѣ, какъ какого-то русскаго литератора. Это сколько льстило моему самолюбію, столько же и уязвляло его. Какъ? я, латынскій учитель, изобрѣтшій даже новую методу изученія латынской грамматики въ самое кратчайшее время, я обязанъ буду моею извѣстностью полдюжинѣ стихотвореній да двумъ-тремъ прозаическимъ статейкамъ, напечатаннымъ мною въ журналахъ?? А моя латынь развѣ не заслуживаетъ извѣстности?... Пишущая харьковская молодежь бросалась искать моего знакомства, все это были— прекрасные юноши, въ очкахъ и безъ очковъ, прекрасно декламирующіе, на перехватъ спѣшившіе за каждою новою книгою, собы-

рателн древнихъ пѣсенъ. издатели альманаховъ. Присмотрѣвшись ближе къ нимъ, я крайне удивился, что у нихъ нѣтъ другой *профессіи*, кромѣ — восхищаться новыми стихами Пушкина, писать свои стихи въ подражаніе великому поэту, и набрасывать мелкія прозаическія статейки «о томъ о сёмъ, а больше ни о чемъ.» — Не далѣе, какъ съ мѣсяцъ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, меня пригласили въ домъ княгини Щ. читать русскую словесность двумъ ея сыновьямъ; потомъ въ одномъ женскомъ пансіонѣ открылась вакансія русской словесности,—меня и туда пригласили. Платятъ хорошо, по 10 р. асс. за урокъ, — все это прекрасно; но я вѣдь учитель латынскаго языка! Съ чего они взяли, что я долженъ декламировать имъ *Черпеца* или *Онѣгина*?... Чтобы поддержать славу своего «*латынскаго происхожденія*» я дождался перваго торжественнаго акта гимназіи, и произнесъ на немъ латынскую рѣчь de differentia classicam inter et sic dictam romanticam Poësin (о различіи между классическою и романтическою поэзіей). Ректоромъ Университета былъ тогда Иванъ Яковлевичъ *Кронебергъ*, великій латынистъ и даже издатель латынскаго лексикона. За нѣсколько дней до акта, я рѣшился повезти къ нему мою рѣчь на разсмотрѣніе, и, ежели будетъ нужно, на исправленіе. Покойный Кронебергъ принялъ меня очень хорошо, т.-е. amBaBus manIBus, какъ говорилось у насъ по-латыни, и оставилъ мою рѣчь у себя. Дня чрезъ два прихожу я къ нему за рѣчью, признаюсь, съ трепетомъ и страхомъ, ожидая великихъ и страшныхъ исправленій въ моей латыни. Но И. Я. отдалъ мнѣ рѣчь совершенно безъ всякихъ исправленій, только начеркнулъ ногтемъ въ одномъ мѣстѣ, и отдавая замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ для благозвучія лучше бы вмѣсто *et* сказать *quoque*. Я почти не вѣрилъ такому совершенству моей рѣчи, и съ того времени, признаюсь, началъ еще больше уважать свою латынскую профессію.—Вопросъ о романтической поэзіи былъ тогда животрепещущею современностью. Надеждинъ въ Москвѣ защищалъ докторскую диссертацію по этому же предмету. Московскій Телеграфъ цѣлыми горстями сыпалъ на публику все то, что находилъ объ этомъ въ иностранныхъ журналахъ; вся образованная Россія была раздѣлена на *классиковъ* и *романтиковъ*, хотя — правду сказать — многіе не совсѣмъ отчетливо понимали, что такое классицизмъ и романтизмъ.

Какъ бы то ни было, но я моею рѣчью утвердилъ за собою достоинство латынскаго учителя, и послѣ того получилъ нѣсколько приглашеній къ чтенію частныхъ уроковъ этого языка *Василій*

Назарьевичъ Каразинъ былъ изъ первыхъ, пригласившихъ меня преподавать латынскій языкъ сыну его. Остановлюсь на этомъ славномъ имени. — Не знаю. въ какомъ-то журналѣ, чуть-ли не въ Москвитянинѣ, давно уже было обѣщано напечатать подробную біографію В. Н. *Каразина*: жаль, что это обѣщаніе не исполнено. — За Харьковомъ до сихъ поръ въ недоимкѣ — памятникъ Каразину. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣло шло объ открытіи въ Россіи университетовъ, и когда избраніе мѣста для Университета колебалось между Черниговомъ, Кіевомъ и Екатеринославлемъ, В. Н. Каразинъ доказалъ, (и его доказательства были уважены), что нѣтъ приличнѣйшаго мѣста для Университета, какъ Харьковъ. Потомъ онъ двинулъ въ ходъ всѣ огромныя, зависѣвшія отъ него, средства и устроилъ это высшее училище въ любимомъ своемъ мѣстѣ на своей родинѣ. Благодѣянія Харьковскаго Университета для всей Украйны неизчислимы. — Каразинъ до глубокой старости сохранилъ пламенное воображеніе, твердую волю, и ревностную любовь къ просвѣщенію.

На другой годъ моего учительства въ Харьковѣ я напечаталъ мою краткую латынскую грамматику на двухъ листахъ *(таблицы латынскія, этимологіи и синтаксиса)*. Первое изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ было и другое изданіе. Въ Харьковѣ тогда любили латынскій языкъ. Гимназія, состоявшая тогда изъ четырехъ классовъ, имѣла учениковъ болѣе 400. Сверхъ гимназіи было еще четыре мужескіе частные пансіона. Кто хотѣлъ въ Университетъ, тотъ не шутя учился по-латыни. Мои гимназисты, вмѣстѣ съ латынскимъ языкомъ, полюбили и меня. Человѣкъ десять самыхъ бѣднѣйшихъ, предполагая слушать въ Университетѣ медицину, просили меня, чтобъ я давалъ имъ частные уроки, и я, не имѣя другаго свободнаго времени, упражнялъ ихъ въ латынскомъ языкѣ по-воскресеньямъ послѣ обѣда.

Какъ ни старался я утвердить за собою исключительную славу латыни, и даже какъ ни успѣвалъ въ этомъ, но и Русская Словесность не оставляла меня въ покоѣ. На другой же годъ моего харьковскаго учительства, меня пригласили въ тамошній институтъ благородныхъ дѣвицъ преподавать сперва русскую грамматику, потомъ и словесность. Этого мало. — Я началъ уже отказываться отъ частныхъ уроковъ, — такъ ихъ много было у меня. Какъ теперь помню, я преподавалъ 42 часа въ недѣлю. Отъ 8 часовъ утра до 8 вечера, съ небольшими промежутками отдыха,

я работалъ, — возвращался домой истомленный, ложился спать — часто не раздѣтый, и спалъ, какъ убитый. Сны всегда снились мнѣ относящіеся къ моимъ урокамъ; иногда я во снѣ декламировалъ какіе-нибудь стихи, иногда разбиралъ Цицерона, или Горація.— Живя такою труженическою жизнью, я позже всѣхъ узнавалъ городскія новости, а что дѣлалось въ свѣтѣ, я вовсе не зналъ, — у меня рѣшительно не было времени читать газеты. — Что дѣлалось чрезъ улицу отъ моей квартиры, я и объ томъ не зналъ.

Вотъ — въ Февралѣ 1832 года. вдругъ получаю я пакетъ за печатью Университета, — распечатываю, и къ удивленію моему читаю, что совѣтъ Университета поручаетъ мнѣ преподавать въ Университетѣ Русскую Словесность! — Первымъ моимъ движеніемъ было — бѣжать къ ректору, чтобъ отказаться отъ этой чести. Но отказаться было рѣшительно невозможно; для меня сдѣлали только то снисхожденіе, что вмѣсто шести лекцій, въ недѣлю, назначили въ Университетѣ только двѣ, и изъ всего курса позволили мнѣ ограничиться только исторіей русской литературы. Какъ будто нарочно вышло такое «безсловесное» время, что всѣ преподаватели словесности выбыли изъ Университета, иные вышли въ отставку, другіе разъѣхались на неопредѣленное время.—Что я читалъ, и какъ читалъ, теперь право не помню. При всемъ усердіи моемъ, у меня не было времени приготовляться къ лекціямъ; я рѣшился положиться на свою память, да за справками заглядывалъ только въ Исторію литературы Греча и — читалъ. Аудиторія моя всегда была полна студентовъ; приходили слушать даже медики и математики — вѣроятно изъ любопытства. Я читалъ съ Февраля мѣсяца по конецъ семестра, и заключилъ мои лекціи экзаменомъ студентовъ въ присутствіи декана И. Я. Кронеберга.

Ухъ! даже теперь чувствую, какъ тяжко было мнѣ учительствовать. Мнѣ было тогда 29 лѣтъ отъ роду, а голова моя уже была сѣдая, какъ у сорокалѣтняго. Отдохнувши лѣтними вакаціями, я потомъ отказался отъ многихъ частныхъ уроковъ, и къ наступавшему новому учебному году ограничилъ себя гимназіей, институтомъ и однимъ пансіономъ. Но, въ началѣ года Провидѣнію Божію угодно было сдѣлать перемѣну въ моемъ состояніи и положить конецъ моему учительству. 6-го августа 1833 года призвалъ меня къ себѣ попечитель и объявилъ мнѣ о назначеніи меня директоромъ въ Луцкую гимназію. — Прощай, Харьковъ! прощайте, мои ученики и ученицы!

Какъ ни лестно было для меня новое и совершенно неожиданное назначеніе, но.... мнѣ жалко было разставаться съ моимъ учительствомъ. Я всегда любилъ предметъ моего преподаванія и всегда любилъ моихъ учениковъ,—вѣроятно, за это и они всѣ любили меня. Приходя въ классъ, я какъ-будто приходилъ въ мое семейство. Въ Харьковской гимназіи тогда еще не было инспектора,—вся полиція и расправа по классу принадлежала учителю, у котораго (въ случаѣ надобности) была на готовѣ и розга. Я очень рѣдко употреблялъ это *послѣднее* средство, но, признаюсь, употреблялъ-таки; однако никто изъ учениковъ не сердился на меня и за это.—Чрезъ 15, чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, мнѣ не разъ доводилось встрѣчать моихъ харьковскихъ учениковъ въ разныхъ родахъ службы на разныхъ концахъ Россіи: всѣ они съ любовью спѣшили ко мнѣ, старинному своему учителю, и старались въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ изъявить мнѣ свою благодарность. Одинъ изъ нихъ, знаменитый докторъ и профессоръ Кіевскій Ѳ. С. *Цыцуринъ*, безъ рецепта, вылечилъ меня своими умными совѣтами отъ жестокой болѣзни. Дѣти мои, служащія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, также вездѣ находятъ моихъ учениковъ, которые свою благодарность отцу стараются засвидѣтельствовать дѣтямъ. Часто бываетъ пріятно до слезъ получать подобныя извѣстія. Благодарю васъ, мои добрые ученики, за вашу добрую память, благодарю всенародно, печатно!—Мой примѣръ да послужитъ всѣмъ молодымъ учителямъ поощреніемъ и ободреніемъ въ прохожденіи ими многотруднаго учительскаго поприща. — Dixi.

и. к.